

[Поиск](#)

- [О ПИР-Центре](#)
- [Публикации](#)
- [Научные проекты](#)
- [Образование](#)

[Вход](#)[Версия для печати](#)[Карта сайта](#) | [Обратная связь](#) | [Архив сайта](#)[English](#)

Окно возможностей для российско-американского диалога стремительно закрывается

20.04.2018

[Владимир Орлов](#)

23 апреля в Женеве открывается сессия Подготовительного комитета к Обзорной конференции ДНЯО, - так называемый «Препком». Как на женевские дискуссии повлияет кризис в российско-американских отношениях?

В декабре 2016 года, в ходе второго заседания российско-американской Рабочей группы по процессу рассмотрения действия ДНЯО в Женеве, организованной российским ПИР-Центром, швейцарским Centre russe d'études politiques и американским Центром изучения проблем нераспространения, я начал свою презентацию на оптимистической ноте. Я говорил о том, что с приходом новой администрации в Вашингтоне у России и США появилась отличная возможность поработать сообща над предотвращением риска ядерного распространения, обеспечением результативности процесса рассмотрения ДНЯО и контролем над вооружениями. Я подчеркнул, что окно это является скорее форточкой – небольшой форточкой возможностей. И предупредил, что форточки имеют обыкновение быстро закрываться.

Удалось ли нам за последний год добиться хоть какого-то прогресса в сфере сотрудничества между Россией и США по линии ядерного распространения? Нет, совершенно не удалось.

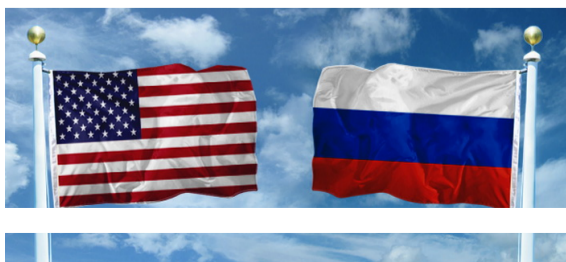
На масштабную, основательную Московскую конференцию по нераспространению, прошедшую в конце октября 2017 года, приехали сотни участников со всего мира, в том числе из США – но не было ни одного представителя нынешней американской администрации. Такая же ситуация сложилась и на недавнем парижском заседании Люксембургского форума по предотвращению ядерной катастрофы. Такого ли диалога мы ожидали? Когда-то советский министр иностранных дел А.А. Громыко сравнил советско-американское сотрудничество по ядерному нераспространению с «шелковой нитью», которая нас связывает независимо от разногласий по другим стратегическим вопросам. А как обстоят дела сейчас? Насколько применимо это выражение времен холодной войны к нынешней ситуации? Можно ли изолировать процесс рассмотрения ДНЯО от других вопросов, чтобы он стал позитивным элементом в конструкции наших двусторонних отношений, а не очередным раздражителем?

Я недавно вернулся из Вашингтона, и там я очень часто слышал разговоры о том, что Россия и США могли бы предпринять совместные усилия в сфере ядерного нераспространения, направленные *против* авторов и сторонников Договора о запрещении ядерного оружия. Много говорилось о том, что РФ и США могли бы вместе поработать *против* Северной Кореи и ее ядерно-ракетной программы. Но вот разговоров о том, чтобы вместе работать *за*, я почти не слышал. Позитивного настроения не было. И здесь просто напрашивалось сравнение с примером российско-китайских отношений, где вопросы ядерного нераспространения рассматриваются как часть всеобъемлющего решения по более широкой повестке дня в сфере безопасности. В своих отношениях с Китаем мы в России подходим к нераспространению целостно, в широком контексте глобальной безопасности. И это помогает нашим двум странам наработать решения проблем в сфере нераспространения на основе сотрудничества, поскольку у нас общий контекст в вопросах глобальной безопасности. А вот с США наша страна находится в состоянии стратегического соперничества, поэтому здесь не сработает подход на основе ограниченного сотрудничества по отдельным проблемам в сфере ядерного нераспространения. На этот счет не должно быть никаких иллюзий.

В 2018 году речь уже не идет о том, чтобы добиться какого-то прогресса, – тут хотя бы *сохранить* уже достигнутое. А именно:

Первое. Размышляя о том, удастся ли нам сохранить наследие достижений предыдущего периода, на ум приходит целый ряд вопросов – и наиболее актуальным из них является вопрос СВПД (т.н. «**иранская сделка**»). Россия и США, вместе с европейцами и Китаем, долгие годы выработывали архитектуру этой сделки. Сейчас она находится под ударом со стороны администрации Трампа. Какое это будет иметь влияние на нынешний цикл рассмотрения действия ДНЯО? Мне кажется, что это будет одним из важнейших факторов, определяющих результат всего цикла, хотя непосредственных упоминаний «иранской сделки» на сессии Подготовительного комитета в Женеве мы можем услышать не столь много. Но устойчивость СВПД вне всякого сомнения будет находиться под самым пристальным наблюдением в коридорах Дворца наций в Женеве, когда там 23 апреля начнутся заседания Подготовительного комитета. Более того, устойчивость СВПД будет иметь косвенное влияние и на диалог с КНДР по вопросу ее ядерной программы. Сейчас раздаются требования внести изменения в условия СВПД и подписать новый документ по иранской ракетной программе в рамках нового пакета. Такие предложения никак нельзя назвать конструктивными. Они, скорее, являются первыми шагами к уничтожению СВПД и разрушению всех результатов многосторонней дипломатии, достигнутых за предыдущие годы. Все мы – европейские партнеры, Россия, Китай, и особенно США с Ираном – должны делать все возможное для сохранения СВПД. Это *жизненно важная задача* для текущего года.

Второе. Контроль над ядерными вооружениями. США и Россия должны сохранить то, что у нас уже есть – это **Договор о РСМД и Новый договор по СНВ**. Я не буду сейчас вдаваться в подробности, но вполне очевидно, что оба договора находятся под серьезной угрозой. Между тем, хорошей новостью на этом тяжелом геополитическом фоне является то, что продление нового СНВ по-прежнему остается в повестке дня. По крайней мере, Россия к этому готова. Да и в Вашингтоне, особенно среди военных, интерес к продлению СНВ вроде бы не угас.

Третье. Говоря о многостороннем разоружении, нельзя не упомянуть о ДВЗЯИ. Нам нужно добиться вступления этого договора в силу. При этом нам будет трудно убедить другие страны подписать и (или) ратифицировать ДВЗЯИ, в то время как США демонстрируют полное отсутствие интереса и к самому договору, и к его вступлению в силу. Руководствуясь внутривнутриполитическими и чисто военными соображениями, некоторые ключевые государства вполне могут вновь задаться вопросом о том, насколько вообще ДВЗЯИ остается актуальным в отсутствие его вступления в силу.

Четвертое. Ближневосточная зона, свободная от оружия массового уничтожения (ЗСОМУ). На Ближнем Востоке мы видим последовательные шаги, которые все больше снижают вероятность каких-то реальных действий, направленных на сохранение пакетного соглашения 1995-го года. Основная проблема – отсутствие лидерства. Мне кажется, что американское решение по Иерусалиму еще сильнее подорвало способность США играть роль лидера по вопросу ЗСОМУ, хотя на США продолжает лежать большая доля ответственности за созыв долгожданной конференции по созданию такой зоны на Ближнем Востоке. Может ли здесь сыграть свою роль Россия? Мне кажется, что может. Более того, Россия традиционно играет такую роль. Именно нам принадлежит сама идея проведения конференции, впервые сформулированная здесь, в Женеве, на Подготовительном комитете в 2008 году и высказанная руководителем российской делегации А.И. Антоновым. С тех пор прошло 10 – десять! - лет. Никакого прогресса не достигнуто. Имеется огромное разочарование, которое отравляет любые дискуссии по вопросу создания Зоны. Но Россия сдаваться не намерена.

При этом нужно признать, что изобретательность здесь должна быть в меру: бутафорский прогресс вместо настоящего лишь еще больше отдалит от нас ближневосточных партнеров и серьезно их разозлит. Фактически, это уже происходит. Я рассматриваю вариант взятия на себя лидерской роли генеральным секретарем ООН, поскольку на нем тоже лежит ответственность за созыв конференции. Я не знаю, насколько нынешний генсек ООН будет готов возглавить этот процесс. Если он не выразит по этому поводу особого энтузиазма, то станет еще более вероятно, что вопрос с ЗСОМУ на Ближнем Востоке вновь будет пущен на самотек. Ухудшение ситуации скоро может проявиться самым очевидным образом. Надеюсь, никто не забыл, как египтяне хлопнули дверью и покинули зал заседаний здесь в Женеве на Подготовительном комитете в 2013-м году?

Окно возможностей для российско-американского диалога стремительно закрывается. Я не принимаю аргумент, что это просто переходный период в Вашингтоне слегка затянулся, и что скоро начнется настоящая игра. Не верю я и в то, что нам поможет вычленение вопросов ядерного нераспространения из более широкого контекста в сфере безопасности. Это нас всех просто введет в заблуждение – как в вопросе Корейского полуострова, так и по Ближнему Востоку, и даже по вопросу российско-американских отношений – поскольку, еще раз повторюсь, отношения между РФ и США в вопросах нераспространения и контроля над вооружениями сейчас как никогда являются неотъемлемой частью более широкого комплекса наших стратегических отношений.

В нынешней ситуации одной из немногих вещей, которую можно и нужно сделать, является **сохранение институциональной памяти**. Это является особенно важным, когда на высокие должности приходят неопытные люди и берутся за обсуждение таких деликатных и сложных вопросов, как ядерное нераспространение. Нам следует еще более упорно, чем раньше, работать над передачей институционального опыта и памяти молодому поколению. Не менее важным является и поддержание активного диалога между новым поколением молодых экспертов и студентов из России и США.

Но при этом нужно признать, что вместе с опытом и памятью мы им передаем и проблемы, – и очень жаль, что этих проблем становится все больше и больше.

В основе данного комментария лежит выступление В.А. Орлова в Женеве на Третьем заседании российско-американской рабочей группы по ядерному нераспространению в декабре 2017 г. Текст обновлен автором 20 апреля с.г. в Женеве накануне открывающейся там сессии Препкома ДНЯО.

Комментарии к посту

Комментариев еще нет

Тел.: +7 (495) 987-19-15

Адрес для писем: Россия, 119019, Москва, а/я 147

ПИР-Центр 2021 год. Все права защищены.

Разработан ИССАрт.

loading

[Ошибка?](#)